

БЛИЗКИЕ КОНТАКТЫ

Марк РОЗОВСКИЙ:

НЕНАВИСТЬ — УДЕЛ СЛАБЫХ

Веста БОРОВИКОВА

— Вы родились на Камчатке?
— Да. Мама с папой оказались на Камчатке, потому что поехали туда после института строить социализм. На свою голову. Они были инженеры и строили там судоремонтный завод. Отца внезапно арестовали, и по решению «тройки» десять лет он провел в сталинских лагерях. Оставаться на Камчатке мама с грудным ребенком не могла. Поэтому я был вывезен бабушкой в Москву, а мама продолжала еще некоторое время там работать по контракту.

— Вы виделись с отцом после его освобождения?

— После первой отсидки — от звонка до звонка десять лет — отец тайно приехал в Москву, пришел в нашу коммуналку, мы с ним познакомились, и я впервые с ним сходил в мужскую баню. Но товарищ Сталин был очень мудрым вождем, он понимал, что миллионы выживших в лагерях представляют собой опасность. Поэтому возникла так называемая вторая волна, и практически все отсидевшие полный срок были отправлены в бараки по второму кругу. Более того, теперь аресту подлежали и семьи эзков. Мне было десять лет, и это меня спасло, потому что в лагерь уходили с 14. А отец еще восемь «отмотал»...

— А как вам мама объясняла отсутствие отца?

— Мама была мамой и как могла оберегала меня от всего этого. Она была мужественной женщиной, но внутри — очень напуганной. Когда отца в первый раз арестовали, и он три дня сидел в сарае, она бросила ему буханку хлеба в окошко. Об этом узнала ее ближайшая подруга, и на следующий день маму исключили из комсомола с формулировкой «за помощь врагу народа».

— Хорошая подруга!

— Подругу сложно осуждать. Отца арестовали 3 декабря, а за полгода до этого арестовали группу ИТР, вывезли на барже в океан и расстреляли. Как мне мама рассказывала, где-то в четыре утра они проснулись, потому что услышали со стороны моря нестройное пение «Интернационала» и выстрелы. Трупы побросали в воду. Вот это и называется «37-й год».

Мама моя, как Пенелопа, все эти годы ждала отца. А он мне потом признался, что второй арест был куда страшнее первого. Потому что он тогда окончательно понял, что гвоздь забит в гроб его жизни по шлямпу. Что он подлежит уничтожению. Когда отец в 55-м вышел реабилитированным, он был абсолютно большим человеком. И прожил после всего очень немного.

— Не с вами?

— Не с нами. Когда мама умерла, я стал разбирать оставшиеся после нее документы и нашел ее переписку с отцом. Я читал, как неистовая любовь превращается в сомнение, остывание, разрыв. Вина Сталина не только в терроре, но еще и в том страшном уничтожении института семьи, последствия которого мы сейчас пожинаем. Отец мой там, в Сибири, сошелся с другой женщиной. И я с юношеским максимализмом потом его стал обвинять: «Как же ты мог?! Ты же знал, как мама любила тебя!» — «Знаешь, на ком я женился? Я женился на корове». У той женщины, она была из Польши, тоже из ссыльных, была корова. А корова — это жизнь. Молоко, жиры... Я понял, что эта женщина спасла отца. Потом, после реабилитации, она уехала в Польшу. Но мама моя так и не смогла отцу простить этой измены, осталась одинока.

А еще я по смерти мамы нашел мои открытки на фронт отцу. Все дети тогда их писали. И я тоже. Я думал, что он на фронте! А

Он родился в семье «врага народа»
В его студенческий театр «Наш дом» в 60-е ходила вся Москва.
Театр закрыли, а его обвинили в «антисоветчине».
Его не пускали ни на одну сцену, не брали ни в одну газету, хотя он с блеском окончил факультет журналистики МГУ.
Он начал все сначала.
Сегодня он — главный режиссер театра «У Никитских ворот»

Вест. Москва — 2002 — 3 апр. — с. 5.

Я доволен своей судьбой (Марк Розовский с супругой)

мама их потихоньку прятала. Когда я через 30 лет эти открытки нашел, я плакал.

— Вы встречали в своей жизни женщин, которые по целостности и силе духа могли заметить вам вашу маму?

— Рядом со мною были женщины, которых я очень любил. И все мои дети — не случайны!

— Кстати, о случае. Он сыграл какую-то роль в вашей судьбе?

— Огромную. Если бы я случайно не встретился с Товстоноговым в лифте гостиницы, не было бы ни «Белой Лизы», ни «Истории лошади». Я мог бы опоздать на 30 секунд, и ничего бы не случилось. Я проехал с Товстоноговым девять этажей, выпил с ним чашку кофе в буфете и получил предложение ставить в БДТ. А я на тот момент был без тарификации, «антисоветчик» и еврей!

Нет никакой судьбы. Всю свою судьбу человек делает сам. Ты не имеешь никакого права ничего от Бога ждать. Он тебе все уже дал! Остальное зависит только от тебя.

— Как вы стали «антисоветчиком»?

— Я окончил школу, поступил на факультет журналистики МГУ, во время учебы с друзьями организовал студию «Наш дом». Нас было пять авторов: Алик Аксельрод, Юлик Венгеров, Илюша Рутберг, Женя Харитонов и я. А какие люди выходили на на-

шу сцену! Семен Фарада, Михаил Филиппов, Александр Филиппенко, Геннадий Хазанов, за роялем сидел Максим Дунаевский...

— Вы были увлечены театром, и поступать пошли на журналистику. Почему?

— Потому что меня не приняли ни в один театральный вуз. Я везде поступил на актерский факультет (на режиссерский нужен был стаж работы в театре, а где мне было его взять после школы?). И естественно, что с моим невысоким ростом, моей внешностью, не соответствующей требованиям социалистического реализма, меня отвергали. Профессор Раевский в ГИТИСе мне сказал: «Тебя невозможно взять, у тебя голос сильный». И я ему в ответ как гаркнул! Он расхохотался: «Знаешь, что сказал Станиславский о Сальвини?» Я не знал. Он говорит: «Я тебе не скажу, а ты узнай». Я побежал домой, перечитал всего Станиславского и нашел: «Голос, голос и еще раз голос», — вот все, что сказал Станиславский о Сальвини. Ну вот, после этого я и зашел.

— И все-таки, как вы стали «антисоветчиком»?

— Съездил на целину и понял, какое враждебное окружение. А в театре хотелось правды. К примеру, я поставил Андрея Платонова, «Город Гротов». Меня сразу обвинили в антисоветчине, как я считал, несправедливо. Я защищался: «Тогда почему такой успех? Все смеются, аплодируют. Что же, полный зал «антисоветчиков»? Что же вы так не верите в свой народ?!» То есть на их демагогию отвечал своей демагогией. Но не помогло. 23 декабря 1969 года нас закрыли. Для меня это был шоковый удар, забыть боль которого я, может, и по сей день не могу. Самое дорогое, живое существо было убито влет.

— Через год вы открыли новый театр при Литературном музее. А что происходило в течение этого года?

— Это было самое страшное время в моей жизни. Не на что было жить. Меня нигде не брали на работу, ни в одну газету, не то что в театр.

— А почему нельзя было опять начать то же самое? Под другим названием?

— Вы, слава богу, не знаете, что такое тоталитаризм! Под каким другим названием?

На мне было клеймо. Это — все. Никакого хода никуда. Кислород перекрыт. Куда бы я ни пришел, везде отказ. Даже ходить не надо было. Конечно, возникали какие-то щелочки. И я нашел такую щелочку в Литературном музее. Благодаря тому, что там был нормальный директор, я сделал театр. Но и там все давалось нелегко. А потом Литературный музей вообще срыли, потому что в Москву должен был приехать Никсон.

— Чем музей помешал Никсону?

— В то время были очереди за мясом. Поэтому убирали все мясные магазины на улицах, по которым он должен был проехать. Об этом даже был анекдот. Никсон спрашивает: «Что, у вас всегда такие очереди за мясом?» — «Нет, только когда мясо есть!» Залодно смеи Литмузей на Якиманке.

— Сейчас вы смогли бы поставить заведомо некоммерческий спектакль?

— А я только так и делаю. Как можно назвать коммерческим спектакль «Убийство в храме. Репетиция» — спектакль-акцию, посвященный памяти отца Александра Меня? Мною многократно замечено, что если ты делаешь что-то честно и глубоко роешь, тут даже риска нет. Риск заключается в том, что ты не докопаешь. Я следую традиции сердечного искусства, а не мешаю пустоту в пустоте, как это сейчас распространено. Моя цель — быть «мхате» МХАТа.

В театре нельзя рубить с плеча. В театре надо быть терпимым и нетерпимым. Терпимость заключается в том, что ты молчишь, когда тебе засовывают иглоу под ногу. А нетерпимость — в том, что ты должен любить человека, который это делает. С возрастом я стал вкрадчив, как кошка. Я не могу махнуть хвостом, как некий кит. Я хлопну по воде, и что? Могу кого-нибудь нечаянно убить, или будет много шума и мало результата.

— Вам знакомо чувство ненависти?

— Нет. У меня от мамы в жизни есть какое-то великое чувство смирения. Меня оскорбить нельзя. Знаете почему? Потому что у меня есть достоинство. И у меня дубленая кожа. Ненависть — удел слабых.

— Марк Григорьевич, у вас сегодня день рождения. Мы желаем вам исполнения всех за-
мыслов.